

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2023 Том 28, № 1

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2023

Издание основано в 2007 г.

Учредитель: ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Главный редактор:

П. К. Даиковский, доктор исторических наук
(Россия, Барнаул)

Международный совет:

Ш. Мустафаев, доктор исторических наук,
академик АН Азербайджана, (Азербайжан, Баку)

А. С. Жанбосинова, доктор исторических наук
(Казахстан, Астана)

С. Д. Атдаев, кандидат исторических наук
(Туркменистан, Ашхабад)

Н. И. Осмонова, доктор философских наук
(Киргизия, Бишкек)

Ц. Степанов, доктор исторических наук
(Болгария, София)

А. М. Досымбаева, доктор исторических наук
(Казахстан, Астана)

З. С. Самашев, доктор исторических наук
(Казахстан, Астана)

М. Гантуяа, Ph.D. (Монголия, Улан-Батор)

И. Ёсиро, доктор гуманитарных наук
(Япония, Токио)

Е. Смолари, Ph.D. (Германия, Бонн)

Х. Омархали, доктор философских наук
(Германия, Берлин)

Редакционная коллегия:

С. А. Васютин, доктор исторических наук
(Россия, Кемерово)

Н. Л. Жуковская, доктор исторических наук
(Россия, Москва)

А. П. Забияко, доктор философских наук
(Россия, Благовещенск)

А. А. Тишкин, доктор исторических наук
(Россия, Барнаул)

Н. А. Томилов, доктор исторических наук
(Россия, Омск)

Т. Д. Скрынникова, доктор исторических наук
(Россия, Санкт-Петербург)

О. М. Хомушку, доктор философских наук
(Россия, Кызыл)

М. М. Шахнович, доктор философских наук
(Россия, Санкт-Петербург)

Е. С. Элбакян, доктор философских наук
(Россия, Москва)

Л. И. Шерстова, доктор исторических наук
(Россия, Томск)

А. Г. Ситдииков, доктор исторических наук
(Россия, Казань)

М. М. Содномпилова, доктор исторических наук
(Россия, Улан-Удэ)

К. А. Колобова, доктор исторических наук
(Россия, Новосибирск)

Е. А. Шершинева (отв. секретарь), кандидат
исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционный совет:

А. В. Бауло, доктор исторических наук (Россия,
Новосибирск)

Л. Н. Ермоленко, доктор исторических наук
(Россия, Кемерово)

Ю. А. Лысенко, доктор исторических наук
(Россия, Барнаул)

Л. С. Марсадолов, доктор культурологии
(Россия, Санкт-Петербург)

Г. Г. Пиков, доктор исторических наук, доктор
культурологии (Россия, Новосибирск)

А. В. Горбатов, доктор исторических наук
(Россия, Кемерово)

К. А. Руденко, доктор исторических наук
(Россия, Казань)

А. К. Погасий, доктор философских наук
(Россия, Казань)

С. А. Яценко, доктор исторических наук
(Россия, Москва)

С. В. Любичанковский, доктор исторических наук
(Россия Оренбург)

А. Д. Таиров, доктор исторических наук
(Россия, Челябинск)

Д. В. Папин, кандидат исторических наук
(Россия, Новосибирск)

Журнал утвержден научно-техническим советом Алтайского государственного университета и зарегистрирован Комитетом РФ по печати. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-78911 от 07.08.2020 г. Все права защищены. Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Адрес редакции: 656049, Алтайский край, Барнаул, ул. Димитрова, 66, ауд. 312,
Алтайский государственный университет, кафедра регионоведения России,
национальных и государственно-конфессиональных отношений.

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2023 Vol. 28, №1

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2023

The journal was Founded in 2007
The founder of the journal is Altay State University

Editor-in-Chief:

P. K. Dashkovskiy, Doctor of Historical Sciences
(Russia, Barnaul)

International council:

Sh. Mustafayev, Doctor of Historical Sciences,
academician of the Academy of Sciences
of Azerbaijan (Azerbaijan, Baku),

A. S. Zhanbosinova, Doctor of Historical Sciences
(Kazakhstan, Astana)

S. D. Atdaev, Candidate of Historical Sciences
(Turkmenistan, Ashgabat)

N. I. Osmonova, Doctor of philosophical Sciences
(Kyrgyzstan, Bishkek)

Ts. Stepanov, Doctor of Historical Sciences
(Bulgariy, Sofiy)

Z. S. Samashev, Doctor of Historical Sciences
(Kazakhstan, Astana)

A. M. Dossymbaeva, Doctor of Historical Sciences
(Kazakhstan, Astana)

M. Gantuya, Ph. D. (Mongolia, Ulaanbaatar)

Y. Ikeda, Doctor of Humanities (Tokyo, Japan)

E. Smolarts, Ph. D. (Germany, Bonn)

Kh. Omarkhali, Doctor of philosophy
(Germany, Berlin)

Editorial team:

S. A. Vasyutin, Doctor of Historical Sciences
(Russia, Kemerovo)

N. L. Zhukovskaya, Doctor of Historical Sciences
(Russia, Moscow)

A. P. Zabiako, Doctor of Philosophical Sciences
(Russia, Blagoveshchensk)

A. A. Tishkin, Doctor of Historical Sciences
(Russia, Barnaul)

N. A. Tomilov, Doctor of Historical Sciences
(Russia, Omsk)

T. D. Skrynnikova, Doctor of Historical Sciences
(Russia, St. Petersburg)

O. M. Khomushku, Doctor of Philosophical
Sciences (Russia, Kyzyl)

M. M. Shakhnovich, Doctor of Philosophical
Sciences (Russia, St. Petersburg)

E. S. Elbakyan, Doctor of Philosophical Sciences
(Russia, Moscow)

L. I. Sherstova, Doctor of Historical Sciences
(Russia, Tomsk)

A. G. Sitdikov, Doctor of Historical Sciences (Russia,
Kazan)

M. M. Sodnompilova, Doctor of Historical Sciences
(Russia, Ulan-Ude)

K. A. Kolobova, Doctor of Historical Sciences
(Russia, Novosibirsk)

E. A. Shershneva (executive secretary), Candidate
of Historical Sciences (Russia, Barnaul)

Editorial Council:

A. V. Baulo, Doctor of Historical Sciences
(Russia, Novosibirsk)

L. N. Ermolenko, Doctor of Historical Sciences
(Russia, Kemerovo)

Yu. A. Lysenko, Doctor of Historical Sciences
(Russia, Barnaul)

L. S. Marsadolov, Doctor of Culturology
(Russia, St. Petersburg)

G. G. Pikov, Doctor of Historical Sciences, Doctor
of cultural studies (Russia, Novosibirsk)

A. V. Gorbatov, Doctor of Historical Sciences
(Russia, Kemerovo)

K. A. Rudenko, Doctor of Historical Sciences
(Russia, Kazan)

A. K. Pogasiy, Doctor of philosophical Sciences
(Russia, Kazan)

S. A. Yatsenko, Doctor of Historical Sciences
(Russia, Moscow)

S. V. Lyubichankovsky, Doctor of Historical
Sciences (Russia, Orenburg)

A. D. Tairov, Doctor of Historical Sciences
(Russia, Chelyabinsk)

D. V. Papin, Candidate of Historical Sciences
(Russia, Novosibirsk)

Approved for publication by the Joint Scientific and Technical Council of Altai State University. All rights reserved. No part of this publication may be reproduced without the written permission of the authors or the publisher. Registered with the RF Committee on Printing. Registration certificate PI № ΦC 77-78911. Registration date 07.08.2020.

Editorial office address: 656049, Altai Krai, Barnaul, Dimitrova St, 66, office 312, Altai State University,
Department of Regional Studies of Russia, National and State-Confessional Relations.

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2023 Том 28, № 1

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Захаров С. В., Марыксин Д. В.</i> Новая находка раннесакского боевого пояса из Восточного Казахстана	7
<i>Васютин С. А.</i> Этнокультурные процессы в Среднем Притомье в XI–XII вв.	27
<i>Шульга Д. П., Шульга П. И.</i> Некоторые вопросы истории царства Чжуншань	44
<i>Серегин Н. Н., Демин М. А., Радовский С. С.</i> К вопросу о «нестандартной» ориентировке в традициях погребальной обрядности населения Алтая раннескифского времени (по материалам комплекса Карбан-I)	59

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Атдаев С. Дж.</i> Крепости туркменского племени Теке в XVIII–XIX вв.	74
<i>Фолиева Т. А.</i> Антирелигиозные фильмы и борьба с антисемитизмом в 20–30-х гг. XX в. в Советском Союзе	93
<i>Бахтурина А. Ю.</i> Эвакуированное чиновничество Царства Польского в политике Временного правительства и большевистского Совнаркома в 1917 г.	103

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Назарова Т. П., Редькина О. Ю.</i> Гуттерское братство в Российской империи (1770 г. — вторая половина 1870-х гг.): в поиске идеала христианской общины	116
<i>Пурэвсүрэн Ц.</i> Оценка деятельности религиозных организаций в западном регионе Монголии	129
<i>Дашковский П. К., Зиберт Н. С.</i> Деятельность незарегистрированных групп евангельских христиан-баптистов в областных центрах Западной Сибири в конце 1950-х — начале 1960-х гг. (на примере Омска)	141

ДЛЯ АВТОРОВ	157
--------------------------	-----

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

2023 Vol. 28, № 1

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

<i>Zakharov S. V., Maryxin D. V.</i> Unearthing East Kazakhstan's Early Saka Combat Belt: A New Archaeological Discovery.....	7
<i>Vasyutin S. A.</i> Ethno-cultural processes in the Middle Tom River region in the 11th-12th centuries.....	27
<i>Shulga D. P., Shulga P. I.</i> Exploring Key Issues in the History of the Zhongshan Kingdom	44
<i>Seregin N. N., Demin M. A., Radovskiy S. S.</i> Exploring the Unconventional: Revisiting Altai Funeral Rites during the Early Scythian Era through the Karban-I Complex Materials	59

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

<i>Atdaev S. J.</i> Fortresses of the Turkmen Tekke Tribe in the 18th-19th centuries.....	74
<i>Folieva T. A.</i> The Role of Anti-Religious Films in Combating Anti-Semitism during the 1920s-1930s in Soviet Union	93
<i>Bakhturina A. Yu.</i> Analyzing the Fate of the Evacuated Bureaucracy of the Kingdom of Poland under the Provisional Government and Bolshevik Council of People's Commissars in 1917.....	103

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

<i>Nazarova T. P., Redkina O. Y.</i> The Quest for Christian Community: Exploring the Hutter Brotherhood in the Russian Empire (1770 — the Second Half of the 1870s)	116
<i>Purevsuren Ts.</i> Exploring the Role of Religious Organizations in Western Mongolia: An Evaluation of Activities.....	129
<i>Dashkovskiy P. K., Zibert N. P.</i> Unregistered Evangelical Christian-Baptists in Western Siberia: Activities and Challenges in the 1950s-60s, with a Focus on Omsk	141
FOR AUTHORS	157

УДК 904

DOI: 10.14258/nreur(2023)1–02

С. А. Васютин*Кемеровский государственный университет, Кемерово (Россия)*

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СРЕДНЕМ ПРИТОМЬЕ В XI–XII ВВ.

Целью статьи является попытка охарактеризовать по выявленным археологическим материалам этнокультурную ситуацию в Среднем Притомье в XI–XII вв. В связи с этим поставлены следующие задачи: кратко охарактеризовать основные памятники среднего бассейна Томи рассматриваемого периода (городище Городок, могильник Порывайка, поселение Люскус III и др.); с учетом уже выявленных специалистами культурных связей данных археологических объектов с материалам поселений и погребений Кузнецкой котловины и соседних регионов и авторских наблюдений показать наиболее вероятные политические и этнокультурные изменения в Среднем Притомье в XI–XII вв. В статье показано, что в этот период правобережье среднего течения Томи стало местом расселения выходцев из ареалов среднечулымского и, вероятно, красноярско-канского вариантов культуры енисейских кыргызов, с которыми прибыли зависимые мастера по производству железных, бронзовых и серебряных изделий. Также важную роль в этногенетических процессах играли носители валикового комплекса и «сросткинское» население, вытесненное кыпчаками из бассейна Ини в Притомье. В политическом отношении на правом берегу Томи укрепились кочевые группы, косвенно или непосредственно связанные с кыргызами, Кыргызским каганатом.

Ключевые слова: Среднее Притомье, XI–XII вв., археологические памятники, Кыргызский каганат и его «дочерние» культуры, таежное население Приангарья и Енисея, кыпчаки и сросткинское население, этнокультурные трансформации.

Цитирование статьи:

Васютин С. А. Этнокультурные процессы в Среднем Притомье в XI–XII вв. // Народы и религии Евразии. 2023. Т. 28, № 1. С. 26–43. DOI: 10.14258/nreur(2023)1–02.

S. A. Vasyutin

Kemerovo State University, Kemerovo (Russia)

ETHNO-CULTURAL PROCESSES IN THE MIDDLE TOM RIVER REGION IN THE 11TH-12TH CENTURIES

The aim of this article is to provide insight into the ethno-cultural situation in the Middle Tom region during the 11th-12th centuries by analyzing archaeological materials. To achieve this, the article outlines the main sites in the region during this period, such as the Gorodok site, Poryvayka cemetery, and Lyuskus III settlement. Additionally, the article presents the most likely political and ethno-cultural changes in the region based on cultural associations with previously identified settlements and burials in the Kuznetsk Hollow. The findings indicate that people from the Middle Chulym River region and potentially the Krasnoyarsk-Kansk variant of the Yenisei Kyrghyz culture settled on the right bank of the Middle Tom River region, followed by skilled craftsmen producing iron, bronze, and silver objects. The article also highlights the importance of the people of the roller ceramics assemblage and the Srostki population who were displaced by the Kipchak people from the Inya River region to the Tom River region. In terms of politics, the nomadic groups, directly or indirectly linked to the Kyrghyz people and Kyrghyz Khaganate, dominated the right bank of the Tom River.

Keywords: Middle Tom River region, 11th-12th centuries, archaeological sites, Kyrghyz Khaganate and its «daughter» cultures, Taiga population of Angara and Yenisei rivers, Kipchak and Srostki population, ethnical and cultural transformation.

For citation:

Vasyutin S. A. Ethno-cultural processes in the Middle Tom River region in the 11th-12th centuries. *Nations and religions of Eurasia*. 2023. 28 (1). P. 27–43.
DOI: 10.14258/nreur(2023)1–02.

Васютин Сергей Александрович, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений, Кемеровский государственный университет, Кемерово (Россия). Адрес для контактов: vasutin2012@list.ru; Orcid ID: 0000–0001–8707–0586.

Vasyutin Sergey Aleksandrovich — Doctor of History, Associate Professor, Head of the Department of World History and International Relations of the Kemerovo State University, Kemerovo (Russia). Contact address: vasutin2012@list.ru; Orcid ID: 0000–0001–8707–0586.

Введение

Кыргызы в период своего наивысшего могущества в середине IX — начале X в. добились значительных военных успехов и территориальных завоеваний, распространив свое влияние на значительную часть монгольских степей, территорию Тувы, Прибай-

калья, Восточного Туркестана, Джунгарии, Алтая и Восточного Казахстана [Савинов, 1994: 48, 52–60; Длужневская, Савинов, 2007: 146–147, 149–151; Тишкин, 2007: 209–214; Дашковский, 2011, 130–140; 2015: 9–97, 98, 109–120].

В конце X в. в результате завоевания киданями Монголии и внутривосточных процессов кыргызы из Тувы мигрировали в северную часть Минусинской котловины, в верховья р. Чулым (туда же была перенесена их столица). Дальнейшая колонизация «северных» территорий привела к образованию в X — середине XI в. среднечулымской культуры (по Д. Г. Савинову, «среднечулымский вариант культуры енисейских кыргызов»), просуществовавший до XIII в. [Беликова, 1992: 13–19; 1996: 97–101]. В конце X — начале XI в. возник «красноярско-канский вариант культуры енисейских кыргызов», включавший кыргызов — переселенцев из Тувы и «сросткинцев» из Кузнецкой котловины. На ранних этапах развития северных локальных вариантов культуры енисейских кыргызов представлены находками эйлиг-хемского этапа, а затем «вещами аскизского облика» [Савинов, 1994: 148–149, 151–152].

В отличие от соседних регионов (Хакасия, Тува, Алтай) на территории Кузнецкой котловины появление кыргызов не фиксируется до начала XI в. Только в XI–XIII вв. наблюдается распространение предметов вещевого комплекса, характерного для енисейских кыргызов. Одним из примеров могут служить материалы могильника Калтышино I в степном Присалаирье. Так, в курганах № 1 (могила 3 с захоронением по обряду трупосожжения) были представлены артефакты, имеющие аналогии в материалах эйлиг-хемского этапа в культуре енисейских кыргызов конца X — начала XI в. (стрелы с плоскими подножками и вытянутыми дугами, круглая пряжка с пластинчатой рамкой, бронебойные черешковые наконечники стрел с четырехгранным или плоским ромбовидным пером и др.) [Савинов, 1997: 86, рис. 6].

С XI в. появляются свидетельства присутствия кыргызов в Кузнецком Алатау, где существовали так называемые кыргызские тропы. На горе Кайчак, на левом берегу р. Анзас в Горной Шории, были обнаружены погребения кыргызских воинов (кремации с характерным для аскизского этапа XI–XII вв. инвентарем) [Савинов, 1994: 138]. Но наиболее отчетливо влияние материальной культуры кыргызов, ее северных локальных вариантов, отразилось в археологических материалах Среднего Притомья.

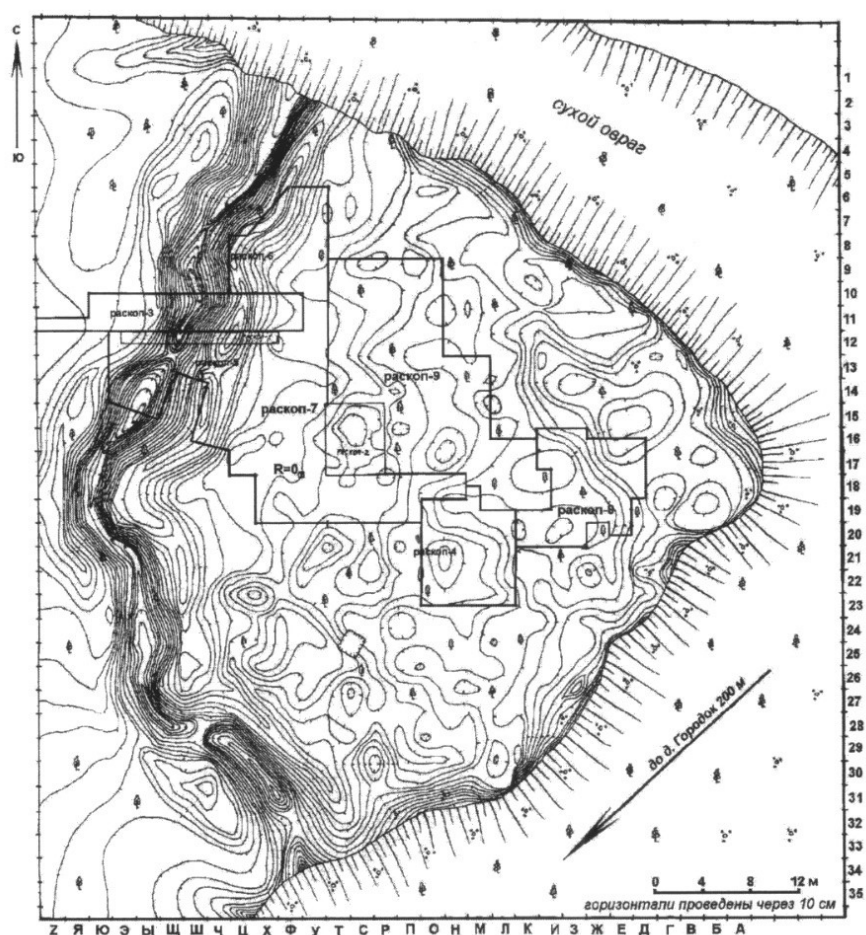
Материалы археологических памятников XI–XII вв. в Среднем Притомье

В XI–XII вв. в Среднем Притомье на смену достаточно гомогенному и стабильному «лачиновскому» сообществу VIII–X вв. приходит неоднородность культурных традиций и этнического состава населения. Появление новых инокультурных групп прослеживается в материалах таких археологических памятников, как городище Городок, поселения Люскус III и Лачиново I, а также в погребальном обряде могильника Порывайка.

Городище Городок располагается на правобережной коренной террасе Томи в северо-восточной части дачного поселка Городок Кемеровского муниципального округа. Высота террасы от уреза воды составляет 18–20 м. С нее открывается хороший обзор на Томь выше и ниже по течению реки. С северо-запада, запада и юго-запада имеется сохранившийся вал высотой 0,6–0,7 м и ров. Вал городища имел три трапециевидных выступа и один четырехугольный (редан), ориентированный усеченным углом во внеш-

ную сторону. На северо-востоке естественной границей городища является большой овраг шириной 16–19 м и глубиной до 10–15 м. Вдоль края террасы фортификационные сооружения отсутствовали. Размеры городища от юго-западного вала до оврага — 46–48 м, а от северо-западного вала до края террасы — 42–44 м. Общая площадь внутренней площадки памятника составляла около 2000 м² [Ширин, 2004а: 74–75].

Археологические раскопки 1997–2000, 2002 гг. позволили изучить систему фортификации (разрезы вала, редан 1, разрыв в валу, ров) и внутреннюю застройку городища (два жилых помещения, хозяйственные постройки, ямы, межжилищное пространство) [Ширин, 2004а: 75–78]. В результате было установлено, что глубина рва составляла от 1,4 до 2,5 м. Чтобы ров не засыпался землей с вала, между рвом и валом проходила площадка шириной около одного метра. Вал имел ширину до 5 м и высоту 0,9 м. Вал дополняла деревянная конструкция из столбов и полубревен, которые были уложены между столбами параллельно земле [Ширин, 2004а: 78–81].

План городища Городок с обозначением исследованных площадей
[Ширин, 2004а: 73, рис. 2]

The plan of the settlement of the town with the designation of the studied areas
[Shirin Yu. V., 2004a: 73, fig. 2]

На внутренней площадке городища было выявлено около 13 жилищ с примыкающими к ним западинами — «остатками хозяйственных полуземлянок». Жилища имели подквадратную форму с ориентацией стен по сторонам света и входом с восточной стороны. С внешней стороны деревянные стены имели земляную обваловку. В центре жилища имелся очаг округлой формы. В юго-восточном углу жилища № 1 была выявлена хозяйственная яма подпрямоугольной формы, из артефактов — каменная наковальня, абразивная плитка со следами заточки, фрагменты керамики. Снаружи восточной стенки жилища № 2 была обнаружена наковальня из гранита, а во рву у стены — сломанная рукоять кузнечных клещей. К востоку от редана 2 была исследована полуземлянка А глубиной до 0,4 м и диаметром до 3,5 м. В центре полуземлянки обнаружена большая наковальня из гранита и остатки железоплавильной печи (пятно прокала, шлаки, ошлакованные глиняные конструкции верхней части печи, канавки, которые могли использоваться для выпуска жидкого шлака). В северо-восточной части полуземлянки найден развал крупного глиняного сосуда, обломки точил, терочников, прут железа. В центральной части городища был выявлен комплекс производственных полуземлянок с более высоким уровнем пола [Ширин, 2004а: 74, 81–84].

На внутренней площадке городища за пределами построек повсеместно были найдены шлаки, остатки железоплавильных печей, наковальня из гранитного валуна 37 x 25 x 18 см со следами проковывания железных криц, ямки с прокаленной почвой, обломки железной руды. Помимо этого, обнаружены открытые земляные очаги диаметром до 60 см (с зольным заполнением и прокалом мощностью 10–15 см) для плавки бронзы и серебра, ошлакованные стенки и фрагменты тиглей в виде тонкостенных стаканчиков со средним размером 3×4 см. Внутри тиглей отмечены следы расплавленного металла, в трех тиглях — капли серебра, в остальных — зеленый налет окислов меди. В культурном слое также были обнаружены кости животных, фрагменты керамики, железные ножи, костяные наконечники стрел, инструменты, изделия из камня (точила из песчаника и сланца, скребки и обломки зернотерок, куранты из длинных массивных галек, обломки агата, круглые плоские пряслица из песчаника и сланца), железная ложка, сердоликовая бусина, неудавшаяся отливка бронзовой серьги, железные шлаки и другие артефакты [Ширин, 2004а: 84–89, рис. 4–10].

Могильник Порывайка был найден У.Э. Эрдниевым в 1954 г. Раскопки осуществлялись в 1998–1999 гг. Ю.В. Шириным и в 2001 г. А.С. Васютиным [Васютин, Ширин, 2002: 78–92; Ширин, 2004б: 26–27; Васютин, Зиняков, Онищенко, 2007: 49–53; Окунева, 2011: 29]. Некрополь расположен на кромке коренной террасы на правом берегу Томи в устье ее притока Порывайка. В этом месте в окружении таежных ландшафтов находится лесостепной участок естественного происхождения. Из 18 выявленных насыпей были раскопаны 11. Насыпи курганов были высотой от 0,2 до 0,5 м и диаметром 5–9 м в северной части могильника и высотой не менее 0,5 м и диаметром 10–15 м в южной части. Неглубокие могильные ямы (20–30 см) с неопределенной ориентацией имели подквадратные формы размером от 50 x 50 до 80 x 80 см. На дне были найдены кремированные кости весом не более 2 г. Однотипный погребальный обряд и стандартный инвентарь (миниатюрные копии предметов, специально сделанные для погребения: тесла, сошники, ножи с деревянными ручками, кресала с деревянными ручками и кусочком

агата, поножи, плоские черешковые наконечники стрел, кольцевые пряжки с подвижным язычком). В кургане № 8 были найдены кузнечные инструменты (зубило и клещи) и сопроводительное захоронение лошади. В погребениях также присутствовали украшения — мелкие бусы из стекла с серебряной прокладкой, сердолика, перламутра и небольшие серебряные полусферы. Датируется могильник XI–XII вв. [Васютин, Ширин, 2002: 80–92, рис. 1–7; Ширин, 2004б: 26–27].

Артефакты XI–XII вв. также представлены на таких поселениях Среднего Притомья, как Лачиново I (железные наконечники стрел), Люскус III (развал большого лепного круглодонного керамического сосуда) [Окунева, 1999: 110, рис. 1.-3, 1.-4, 1.-6; Плац, 2020: 71, 73, рис. 4]. Следует отметить, что рассматриваемая территория среднего течения Томи еще недостаточно изучена и требует всестороннего исследования для решения вопросов этнокультурной истории Кузнецкой котловины в период Средневековья.

Анализ этнокультурной ситуации в Среднем Притомье в начале XI–XII вв.

С точки зрения изменений материальной культуры в Среднем Притомье наиболее показательным было городище-крепость Городок со сложной фортификацией (ров, вал с остатками деревянной конструкции из столбов и полуплах, реданы), производственными мастерскими по изготовлению железа, бронзы, серебра. Аналогов такому археологическому объекту не существовало на берегах Томи и во всей Кузнецкой котловине в предшествующий период. Таким образом, городище Городок выступает как уникальный для среднего течения Томи комплекс, что можно рассматривать как свидетельство прихода на правобережье Томи новых групп населения, а сооружение крепости — как результат деятельности доминирующего этнополитического объединения.

Говоря о производстве железа, бронзы и серебра, необходимо отметить, что среди так называемых лачиновских памятников в Среднем Притомье было выявлено всего одно поселение — Сосновка III, в материалах которого зафиксировано свидетельство бронзолитейного производства — 4 тигля [Окунева, 1999: 112–113, рис. 1]. При этом памятник не имеет четко датированных артефактов, которые можно связать с бронзолитейным комплексом. Нельзя исключать, что тигли относятся к более позднему времени (начала II тыс. н. э.), поскольку, несмотря на почти полувековое изучение лачиновских памятников, их четкая хронология, так же, как и этапы их развития, так и не были установлены. Наличие керамики с валиками в памятниках XI–XII вв. [Ширин, 2004а: 89, рис. 3.-1, 3.-3; 90; 2014: 24; Зиняков, Илюшин, 2017: 37, 46, рис. 5.-20, 5.-23, 5.-24] позволяет предположить сохранение «лачиновского» населения в данный период и вероятность появления технологии бронзолитейной плавки только в XI в.

Железоделательное производство в Среднем Притомье в раннесредневековый период пока не выявлено (на поселении Митино IV в Новокузнецке в ходе разведки были найдены куски железного шлака и обломки железной руды [Ширин, 2015: 19], но исследования не проводились). В то время как на территории городища Городок в XI в. возник целый производственный комплекс по изготовлению железа — полуземлянки с остатками железоплавильных печей, каменные наковальни из гранита, абразивная плитка со следами заточки, кузнечные клещи, обломки точил, прутьев из железа, обилие шлака. То же самое можно сказать о выплавке серебра. В итоге можно предпола-

гать, что создание на городище производственного центра по выплавке железа, бронзы и серебра — результат переселения в городище группы мастеров, происходивших из иной этнокультурной среды, не связанной с «лачиновской» традицией.

Ю. В. Ширин по аналогиям к наиболее выразительным артефактам датировал городище Городок XI–XII вв. В частности, он указал на ножи с уступчиком на лезвии возле обушка, известные в памятниках Минусинской котловины X–XIII вв., фаянсовый с голубой глазурью амулет в виде стопы человека, представленный в погребальных комплексах Среднего Чулыма и Прииртышья XI–XII вв., серебряная пуговица и сердоликовая 14-гранная бусина с рассматриваемого городища имели многочисленные аналоги среди материалов погребальных комплексов Притомья X–XII вв. Железная ложка аналогична ложкам из курганов некрополя Саратовка Кузнецкой котловины.

Как указывает Ю. В. Ширин, в керамических артефактах городища Городок можно выделить несколько технологических и орнаментальных традиций, в том числе посуду, по формам и орнаментации близкую к материалам кыпчакских некрополей и поселений в бассейне рек Ур и Касьма, сосуды с валиком и орнаментальными элементами, характерными для «лачиновских памятников». Он предположил, что под давлением кыпчаков определенные группы кочевников могли укрыться в периферийных регионах, ранее мало привлекательных для них [Ширин, 2004а: 98–99]. Это вело к «постоянным конфликтам между воинственными группировками номадов из-за господства в регионе», а городище Городок наряду с ремесленной площадкой «мог быть своеобразным административным центром, ... откуда контролировался сбор дани с жителей Среднего Притомья одной из кочевых группировок» [Ширин, 2004б: 25]. Таким образом, обладавшее сложной фортификацией городище Городок могло играть военно-управленческую роль в регионе.

Не исключен и другой вариант — намеренная концентрация ремесленников в укрепленном поселении для контроля за ними и сбора дани оружием, предметами труда и украшениями одной из кочевых группировок. Учитывая, что в раннесредневековых памятниках Среднего Притомья не были выявлены железоделательные комплексы и отливка серебра, а бронзолитейное производство появилось не ранее XI в., сбор мастеров кузнечного и ювелирного дела в одном городище мог быть осуществлен только намеренно в интересах определенного номадного объединения, господствующего в данной местности.

В материалах городища Городок, как уже отмечалось, особое значение имеют остатки железоплавильных печей и целый ряд предметов, необходимых для производства и обработки железа. Поскольку в городищах Среднего Причулымья не выявлено производство железа, серебра и бронзы (следует учесть недостаточную изученность таких памятников), наиболее вероятным способом появления железоделательного центра в Среднем Притомье было переселение группы мастеров из таежного Приангарья [Мандрыка, Сенотрусова, 2018]. Степень зависимости таежных жителей от кыргызов красноярско-канского локального варианта кыргызской культуры оценивается по-разному [Сенотрусова, 2015], но сомнительно, чтобы кыргызы не использовали столь важные производственные ресурсы. В южно-таежной части Нижнего Приангарья в VI–XII вв. преобладали горны «с плавильной камерой прямоугольной формы, сложенные

из плит песчаника, часто с пригорновой ямой». Давними были традиции металлургического производства в Хакасии и Минусинской котловине. В Томском Приобье железо из местных руд стали производить на рубеже I–II тыс. н. э. Здесь горны представляли собой глиняный купол, сооруженный над небольшой ямой глубиной не более 0,7 м [Мандрыка, Сенотрусова, 2021: 114, 115, 116].

Наиболее близкие аналоги железоделательному комплексу городища Городок представлены на городище Лесосибирское I. Исследование памятника показало отсутствие долговременных построек, но выявило сооружения для обработки черного металла. Данный комплекс датируется XI–XIII вв. Свидетельства металлургического производства зафиксированы на городище Усть-Самоделка IV [Мандрыка, Синетрусова, 2018: 105].

Среди артефактов в городище Городок представлено много изделий из камня. Широкое использование камня в производственных процессах, связанных с металлургией и металлообработкой (каменные молотки, наковальни, терочники, молотки дляковки, гладилки, точильные камни и бруски, оселки), было представлено в материалах средневекового поселения Проспихинская Шивера I в Приангарье [Мандрыка, Князева, 2011: 155–157].

Керамика городища Городок, как уже указывалось, имеет многочисленные аналогии в кыпчакских памятниках бассейна Ини, погребениях басандайской культуры, сосуды с валиками отнесены к «лачиновской традиции». Вместе с тем среди фрагментов керамики представлены артефакты по формам и орнаментальным композициям [Ширин, 2004а: 87, рис. 1.-3, 1.-4, 89, рис. 3.-2, 3.-4, 3.-6] схожие с посудой в синхронных памятниках Среднего Чулыма [Беликова, 1996: 195, рис. 31.-1, 210, рис. 46.-7, 267, рис. 102.-1; 268, рис. 103.-5, 103.-6].

Говоря о самом городище и его фортификации, Ю. В. Ширин указывает, что таких укреплений, как в городище Городок, «в Притомье более не известно». В то же время он отмечает, что городища с реданами на валах получают распространение на юге Сибири «со второй половины I тыс. и бытуют вплоть до позднего средневековья». В качестве примера исследователь назвал укрепления поселенческих памятников чатских татар Новосибирского Приобья (со ссылкой на статью А. А. Адамова «Городища чатских татар в Новосибирском Приобье») [Ширин, 2004а: 98]. В публикации А. А. Адамова действительно представлены материалы городища Черный Борок-20 с укреплениями на валу, которые автор называет «бастионами» [Адамов, 1989: 55, 57, рис. 9.-1]. Но по хронологии (фортификация городища XVI–XVII вв.), отсутствию жилищ и производственных комплексов начала II тыс. данный памятник абсолютно не соответствует городищу Городок.

В Среднем Причулымье в отношении целого ряда городищ, имеющих фортификацию, датировка либо отсутствует или имеет широкие границы — «средневековье» (в отдельных случаях со знаком «вопроса»). Те поселенческие памятники со сложной системой укреплений, которые датированы классическим Средневековьем (Тургайская группа городищ и поселений, городища Беляйское, Иловское II, Уйдановское, поселение Городское I, городище Городок, Сосновское I и др.) исследовались лишь частично. В этом случае информация в основном ограничивается указанием ширины и глубины

рвов, ширины и высоты валов. Наличие бастионов или реданов не указано [Ожередов, Яковлев, 1993: 28–29, 30, 31, 33, 47, 56, 58, 72, 80; Беликова, 1996: 165, рис. 1].

Сложной фортификацией, порой включавшей несколько рвов и валов, обладали городища развитого Средневековья на территории южно-таежной зоны Средней Сибири (Подпорожное, Лесосибирское I и Чермянское) и в Красноярской лесостепи (Ладейское, Базайское или Змеиное, Ермолаевское, Частоостровское городища), но укрепления по типу реданов на них не были зафиксированы [Мандрыка, Сенотрусова, 2007: 206, 207, 208, 210–211]. В итоге вопрос о происхождении такого фортификационного элемента, как редан на городище Городок, остается открытым.

Этнокультурный состав населения городища Городок был неоднородным и включал несколько компонентов. Артефакты, найденные на территории данного памятника, говорят о непосредственном присутствии здесь носителей железоплавильных традиций из южно-таежных районов Сибири и представителей среднечулымского варианта культуры енисейских кыргызов. Данный факт подтверждается материалами курганного могильника Порывайка (см. ниже). Еще один этнический компонент представлен носителями так называемой лачиновской культуры, которых можно рассматривать как местных жителей прибрежных поселений Верхнего Притомья. Возможно присутствие сросткинского населения, которое было вынуждено покинуть бассейн Ини под давлением кыпчаков в XI в. Вопрос о нахождении носителей сросткинской культуры в среднем течении Томи в XI–XII вв. изучен слабо. Следует заметить, что по составу артефактов в Змеинкинском и Калмакском могильниках в Среднем Причулымье О. Б. Беликова выделила сросткинский компонент, но определила его как «тюркизированное местное население с кето-самодийским субстратом» [Беликова, 1996: 128–136, 139–141]. Не исключено существование подобных этнически интегрированных образований и в Среднем Притомье.

Как указывал Ю. В. Ширин, погребальный обряд и артефакты могильника Порывайка в деталях совпадает с материалами захоронений Среднего Причулымья, изученных О. Б. Беликовой [Ширин, 2004б: 26–27]. Общим было помещение трупосожжения в небольшие могилы под округлые или овальные насыпи. Отличие материалов могильника Порывайка и ключевых памятников Среднего Причулымья — Змеинкинского и Калмакского некрополей — заключалось в малом количестве курганов (18 против 138 на Змеинкинском и 184 на Калмакском могильниках [Беликова, 1996: 9, 37]), меньшими размерами насыпей, отсутствием погребальных конструкций и сопроводительных сожжений лошадей, более бедным и менее разнообразным инвентарем.

Среди артефактов в погребениях могильника Порывайка особенно выделяются миниатюрные железные тесла, наконечники стрел, ножи, поножи, сошники, кресала [Васютин, Ширин, 2002: 80–92, рис. 1–7]. Аналогичные предметы массово присутствуют в погребениях Змеинкинского (курганы № 7, 8, 50, 55, 57, 58, 60) и Калмакского (курганы № 1, 2, 3, 9, 10, 11, 15, 17, 19, 20, 24, 26, 27, 28) могильников. Согласно мнению О. Б. Беликовой, «миниатюрные вещи предназначались только для ритуала погребения» и выступали «в системе мировоззрения как одна из категорий овеществленных символов, связанных с трехчастной моделью мира» [Беликова, 1996: 12, 27, 29, 31, 32, 33, 34, 38, 39, 40, 43, 44, 45, 47, 49, 50, 53, 54, 55, 122–124, 169, рис. 5.-12, 13, 14; 171, рис. 8.-3; 193,

рис. 29.-15; 199, рис. 35.-6; 207, рис. 43.-1, 2, 4, 6; 209, рис. 45.-6, 12; 213, 49.-1, 2, 3; 221, рис. 57.-1, 2; 224, рис. 60.-8, 10, 11, 12; 227, рис. 63.-1, 2, 3, 4, 9, 10; 233, рис. 69.-1, 2, 4, 5, 6, 8; 234, рис. 70.-13, 14, 15; 235, рис. 71.-7, 9, 10; 239, рис. 75.-4, 5, 6, 7; 242, рис. 78.-10, 11; 244, рис. 80.-12; 245, рис. 81.-15; 251, рис. 87.-7; 253, рис. 89.-11, 12; 245, рис. 90.-17, 21].

Предметы обычных размеров также имели многочисленные аналогии в некрополях локального варианта кыргызской культуры на Среднем Чулыме. Это, к примеру, касается железных черешковых наконечников стрел с плоским пером, найденных в курганах 6 (1 треугольно-вытянутый и 2 с пером в форме прямоугольника с прямым острием), 7 (1 плоский с асимметрично-ромбическим), 8 (плохой сохранности 3 плоских с плохо различимыми формами пера, близкими к ромбическим) и 9 (1 плоский с асимметрично-ромбическим, 1 с обломанным пером, 1 плоский с ромбическим пером, 1 с пером в форме прямоугольника с прямым острием, 1 с удлинённой шейкой и срезанным пером, скорее всего, ромбовидной формы) могильника Порывайка [Васютин, Ширин, 2002: 80, 85, 88, рис. 3.-12, 13, 14, 91, рис. 6.-10, 11–14]. В Змеинкинском и Калмакском могильниках найдены железные наконечники стрел аналогичные наконечникам из могильника Порывайка [Беликова, 1996: 77–79, 260, рис. 97.-11а, 11б, 12, 16]. В состав вещевого комплекса могильника Парывайка также входят железные кольцевые пряжки и портупейные кольца, тесла, железные сошники с несомкнутой втулкой, 2 или 4 железных крючка, подвижно соединенных с кольцом (для крепления поножей), иглы [Васютин, Ширин, 2002: 80, 81, 84, 88, рис. 3.-5, 7–10, 89, рис. 4.-3, 4, 12, 13, 91, рис. 6.-2, 3–5, 7, 15, 16, 18], имеющие многочисленные аналогии в среднечулымских памятниках [Беликова, 1996: 64–65, 69, 83, 84, 168, рис. 4.-1, 14, 170, рис. 6.-1, 4, 5, 171, рис. 7.-1, 7, 173, рис. 9.-7, 174, рис. 10.-6, 182, рис. 18.-9, 183, рис. 19.-13, 185, рис. 21.-5, 191, рис. 27.-12, 197, рис. 33.-4, 5, 199, рис. 35.-6, 10, 12, 201, рис. 37.-11, 204, рис. 40.-5, 207, рис. 43.-1, 7, 9, 209, рис. 45.-14, 210, рис. 46.-5, 211, рис. 47.-1, 213, рис. 49.-1, 5, 214, рис. 50.-1, 216, рис. 52.-7, 218, рис. 54.-16, 219, рис. 55.-1, 220, рис. 56.-7, 8, 221, рис. 57.-1, 222, рис. 58.-9, 224, рис. 60.-10, 227, рис. 63.-1, 2, 228, рис. 64.-7, 8, 229, рис. 65.-7, 9, 223, рис. 69.-1, 3, 4, 234, рис. 70.-11, 12, 13, 235, рис. 71.-7, 11, 239, рис. 75.-4, 240, рис. 76.-1, 241, рис. 77.-3, 8, 242, рис. 78.-10, 243, рис. 79.-2, 244, рис. 80.-11, 14–16, 18, 245, 81.-1, 9–11, 13, 246, 82.-1, 2–4, 248, рис. 84.-5, 6, 8, 13, 250, рис. 86.-11, 12, 13, 253, рис. 89.-11, 254, рис. 90.-17, 18, 21, 22, 255, рис. 91.-1, 17].

Железные плоские черешковые наконечники стрел и кольцевые пряжки, крюки на кольцах (поножи) и тесла имели широкое распространение в памятниках Минусинской котловины, кыпчакских памятниках Кузнецкой котловины, Новосибирского и Томского Приобья и др. регионов [Кызласов, 1983: 18–19, табл. 4, 20, 38–39, 101, табл. XIII.-1, 3, 5 и др., 108–110, табл. XX, XXI.-1, 2–17, XXII.-6, 7–15, 18–20, 112, табл. XXIV.-4, 5–7; Илюшин, 2012: 9–10, 35, 118, рис. 9.-41, 49, 123, рис. 14.-42, 126, рис. 17.-4, 144, рис. 36.-6, 159, рис. 54.-2, 161, рис. 57.-1, 2, 4; Савинов, Новиков, Росляков, 2008: 55, рис. 4.-8, 9–22, 4.-27, 32–36, 39–40, 58, рис. 7.-5, 6, 59, рис. 8.-1, 2–5, 7, 162, рис. 4.-1, 2, 7, 174, рис. 25.-2, 3, 6, 184, рис. 43.-1, 185, рис. 44.-3, 200, рис. 70.-4, 209, рис. 87.-9, 211, рис. 92.-3, 213, рис. 96.-1, 234, рис. 124.-1, 241, рис. 137.-1, 243, рис. 141.-5, 257, рис. 161.-1, 6, 266, рис. 178.-2, 3–4, 6, 282, рис. 7.-5, 6, 301, рис. 27.-1, 312, рис. 55.-2, 324, рис. 80.-6, 327, рис. 88.-3, 331, рис. 97, рис. 98.-5 и др.; Плетнева, 1997: 181, рис. 17.-5].

Украшения в погребениях могильника Порывайка представлены бусинами: четырехлепестковые плоские перламутровые бусины с продольными отверстиями, просверленными через узкую грань; круглые стеклянные бусины с серебряными прокладками; черная каменная агатовая бусина ромбической формы с просверленным через один из острых углов ромба поперечным отверстием; 18-гранная агатовая бусина с начатым с двух сторон, но незавершенным сверлением канала [Васютин, Ширин, 2002: 80, 81, 85, 88, рис. 3.-18, 91, рис. 6.-23, 24, 89, рис. 4.-6, 7, 91, рис. 6.-22, 25]. В могиле 1 кургана 6 также были обнаружены 6 серебряных полусфер [Васютин, Ширин, 2002: 80, 88 рис. 3.-19, 20–24].

В Змеинкинском и Калмакском могильниках выявлено много различных украшений (только бусин около 400 экз.), в том числе из серебра и золота. Агатовые бусы в указанных памятниках имели эллипсоидные и призматические формы [Беликова, 1996: 86, 265, рис. 100.-14, 15]. Здесь же присутствуют круглые стеклянные бусы с железными и посеребренными прокладками [Беликова, 1996: 87, 265, рис. 100.-25, 26].

Ромбическое изделие из черного агата, скорее всего, является подвеской по аналогии с плоскими ромбическими подвесками в памятниках Среднего Причулымья из яшмы, лазурита и гранита [Беликова, 1996: 89–90, 169, рис. 5.-7, 170, рис. 6.-8, 188, рис. 24.-4]. Серебряные полусферы наряду с бронзовыми нашивались на пояс как накладки [Беликова, 1996: 92, 241, рис. 77.-1, 264, рис. 99.-40]. Перламутровые бусины в среднечулымских материалах не были представлены. Изделия из перламутра в виде подвесок и накладок хорошо известны в XI–XIII вв. в Верхнем Приобье [Савинов, Новиков, Росляков, 2008: 63, рис. 13.-1, 2–11, 170, рис. 17.-13, 179, рис. 34.-3, 187, рис. 47.-11, 263, рис. 171.-4, 303, рис. 31.-5, 6, 305, рис. 36.-1, 2–3, 310, рис. 48, 49, 50, 311, рис. 53.-3–4, 320, рис. 72.-2, 321, рис. 74.-4, 5–6, рис. 75.-9, 10, рис. 76.-1, 336, рис. 108.-5, 6].

Особенно выделяется в составе некрополя Порывайка курган № 8. Среди изученных могил рассматриваемого могильника только в могиле 1 кургана № 8 были обнаружены кости лошади (череп, первый шейный позвонок, передние и задние конечности). Исходя из расположения головы и конечностей лошади в данной могиле зафиксировано захоронение «шкуры коня» с головой и конечностями [Васютин, Ширин, 2002: 82–84, 90, рис. 5.-Б; Васютин, Зиняков, Онищенко, 2007: 49–53, рис. 1.-А]. На нижней челюсти были обнаружены железные двусоставные удила с крюковым соединением звеньев и фрагмент кольчатого псалия с остатком крюкового завершения грызла [Васютин, Ширин, 2002: 84, 90, рис. 5.-4]. Также необычным в данном захоронении было присутствие наряду с миниатюрным теслом, железным кресалом, поясным портупейным кольцом и другими предметами так называемого набора кузнеца — кузнечных клещей и зубила. Подобный набор кузнечных клещей и зубила представлен в кургане № 32 Аст-раханцевского могильника [Плетнева, 1997: 19, 200, рис. 38.-2, 3]. Однако стоит отметить, что в кургане № 32 рукояти клещей были прямые, а в кургане № 8 могильника Порывайка они имели коленчатые уступы у шарнирного скрепления клещевин [Васютин, Ширин, 2002: 82, 90, рис. 5.-12; Васютин, Зиняков, Онищенко, 2007: 50, 51, рис. 1.-14].

Характеристика погребального обряда могильника Порывайка дает некоторые основания предполагать, что носители среднечулымской культуры в Среднем Притомье могли выступать в двух ролях: 1) как доминирующая военно-административная сила;

2) организаторы и, возможно, как часть участников железоделательного, бронзолитейного и ювелирного дела в городище Городок. Подтверждение или опровержение данной гипотезы возможно только в ходе дальнейших исследований.

Проникновение населения со Среднего Чулыма могло происходить по рекам Яя и Кия (по ее притоку Кожух). В низовьях этих рек обнаружены городища, керамические материалы которых демонстрируют культурную близость с посудой памятников среднечулымской культуры [Беликова, 1996: 130–131].

Аналогичную связь с керамическими материалами погребений на Среднем Чулыме показали материалы средневекового памятника Люскус III. Лепной круглодонный керамический сосуд имеет прямые параллели с керамическими материалами в курганах № 55 и 56 Змеинкинского могильника из Среднего Причудымья [Плац, 2020: 71, 73–74, рис. 3, 4]. Сосуд по срезу венчика орнаментирован отпечатками гладкого штампа, из-за чего он приобрёл «волнообразный» вид. Волнообразность венчика, наличие миниатюрных сквозных ямок у самого среза венчика и пояс наклонных отпечатков крупного гребенчатого штампа сближают данный сосуд со средневековой керамикой, найденной на памятнике Люскус I [Бобров, 1979: 57–58].

Необходимо отметить, что два аскизских наконечника стрел были найдены на поселении Лачиновое I. Плоские железные асимметрично-ромбические черешковые наконечники стрел с широким пером [Окунева, 1999: 110, 111–112, рис. 1.-3, 4] хорошо известны в аскизских погребениях XI–XIII вв., а также в соседних регионах (см. аналогии выше).

Заключение

Все вышесказанное дает основание предполагать, что территория Среднего Притомья, во всяком случае правобережье Томи, находилась в зоне непосредственного влияния носителей локального варианта кыргызской культуры на Среднем Чулыме. Вместе с ними в Притомье пришли подчинённые кыргызам выходцы из таежной зоны с развитыми практиками железоделательного производства. Еще одну группу могли составлять «сросткинцы». Одновременно с этим кыргызы из Минусинской котловины осваивали транзитные маршруты в Кузнецком Алатау и Горной Шории. Не исключено, что действия минусинских и «чулымских кыргызов» координировались, что может говорить об опосредованном контроле со стороны енисейских кыргызов за ситуацией в Притомье.

Таким образом, в материалах памятников Среднего Притомья отчетливо прослеживаются присутствие иноэтничного населения. Потребность «чулымских кыргызов» в управленческом и производственном центре привела к строительству городища (городище Городок), откуда они могли контролировать прилегающие территории и акваторию Томи выше и ниже по течению. Большое влияние на этнокультурные процессы в Кузнецкой котловине в XI–XIII вв. оказывали кыпчаки, которые заселили степные участки в бассейне Ини. Археологические материалы городища Городок и могильника Порывайка говорят о наличии контактов и обмена товарами между доминирующими в Среднем Притомье «чулымскими кыргызами» и кыпчаками. Однако эти связи не исключали и острые конфликты между этими кочевыми группами. По мнению Ю. В. Ширинина, окончание функционирования памятника было связано с пожаром. Не исключе-

но, что это был результат нападения одного из противников, поскольку после пожара городище перестало существовать.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Адамов А. А. Городища чатских татар в Новосибирском Приобье // Памятники Новосибирской области. Новосибирск : Новосибирское книжное изд-во, 1989. С. 55–61.

Беликова О. Б. О длительности пребывания кыргызов на Среднем Чулыме // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий (по данным археологии) : материалы Всероссийской конференции. Омск, 1992. С. 13–19.

Беликова О. Б. Среднее Причулымье в X–XIII вв. Томск : Изд-во ТГУ, 1996. 272 с.

Бобров В. В. Поселение на р. Люскус (предварительное сообщение) // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1979. Вып. 10. С. 47–59.

Васютин А. С., Зиняков Н. М., Онищенко С. С. Кремированное погребение начала II тыс. н. э. с кузнечными инструментами и сопроводительным захоронением лошади на могильнике Порывайка // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 49–53.

Васютин А. С., Ширин Ю. В. Курганная группа Порывайка // Аборигены и русские старожилы Притомья. Кемерово : Кузбассвуиздат, 2002. С. 78–92.

Дашковский П. К. Культура енисейских кыргызов на Алтае и сопредельных территориях: современные направления исследования // Тюркологический сборник 2009–2010 гг. М. : Восточная литература, 2011. С. 130–151.

Дашковский П. К. Кыргызы на Алтае в контексте этнокультурных процессов в Центральной Азии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015. 224 с.

Длужневская Г. В., Савинов Д. Г. Памятники древности на дне Тувинского моря. СПб. : ИИМК РАН — СПбГУ, 2007. 198 с.

Зиняков Н. М., Илюшин А. М. Поселение Кыргай-1 в Среднем Притомье как памятник эпохи Средневековья // Ученые записки музея-заповедника «Томская писаница». 2017. № 5. С. 35–50.

Илюшин А. М. Курганы поздних кочевников близ устья Ура. Кемерово : Изд-во КузГТУ, 2012. 188 с.

Мандрыка П. В., Князева Е. В. Каменные орудия средневекового поселения Проспихинская Шивера I: функционально-трассологический анализ // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2011. Т. 10. Вып. 3: Археология и этнография. С. 155–162.

Мандрыка П. В., Сенотрусова П. О. Культурная принадлежность памятников развитого средневековья южнотаежной зоны Средней Сибири // Российская археология. 2018. № 2. С. 98–112.

Мандрыка П. В., Сенотрусова П. О. Развитие фортификационных сооружений в южнотаежной зоне Средней Сибири и в Красноярской лесостепи в раннем железном веке и средневековье // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2007. Т. 6. Вып. 3: Археология и этнография. С. 205–211.

Мандрыка П. В., Сенотрусова П. О. Сыродутные горны Нижней Ангары: некоторые итоги изучения // Археология евразийских степей. 2021. № 4. С. 110–121.

Ожередов Ю. И., Яковлев Я. А. Археологическая карта Томской области. Томск : Изд-во ТГУ, 1993. Т. II. 208 с.

Окунева И. В. Кузбасс в начале II тыс. н. э. // Альманах современной науки и образования. 2011. № 4 (47). С. 29–31.

Окунева И. В. Предметы из металла на поселениях Среднего Притомья // Археология, этнография и музейное дело. Кемерово, 1999. С. 109–114.

Плац И. А. Археологические находки на памятниках Сухово I и Люскус III в городе Кемерово // Ученые записки музея-заповедника «Томская писаница». 2020. Вып. 11. С. 69–75.

Плетнева Л. М. Томское Приобье в начале II тыс. н. э. (по археологическим источникам). Томск : Изд-во ТГУ, 1997. 350 с.

Савинов Д. Г. Государства и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. Кемерово : КемГУ, 1994. 215 с.

Савинов Д. Г. Могильник Калтышино I (новые материалы по археологии начала II тыс. н. э.) // Памятники раннего средневековья Кузнецкой котловины. Кемерово : Кузбассвуиздат, 1997. С. 77–99.

Савинов Д. Г., Новиков А. В., Росляков С. Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура). Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. 424 с.

Сенотрусова П. О. К вопросу о связях средневекового населения Нижнего Приангарья с енисейскими кыргызами // Человек и Север: антропология, археология, экология: материалы Всероссийской конференции. Тюмень : Изд-во Ин-та проблем освоения Севера СО РАН, 2015. С. 171–173.

Ширин Ю. В. Городище Городок в Кемеровском районе // Аборигены и русские старожилы Притомья. Кемерово, 2002. С. 41–77.

Ширин Ю. В. Городище Городок и его окрестности в древности // Кузнецкая старина. Новокузнецк : Кузнецкая крепость, 2004а. Вып. 6. С. 69–112.

Ширин Ю. В. Древности Среднего Притомья // Очерки истории Кемеровского района. Кемерово : Кузбассвуиздат, 2004б. С. 14–28.

Ширин Ю. В. Материалы археологических разведок на р. Томи // Из кузнецкой старины. Новокузнецк : Лотус-Пресс, 2015. Вып. 6. С. 4–75.

REFERENCES

Adamov A. A. *Gorodishcha chatskikh tatar v Novosibirskom Priob'e* [Fortified Settlements of the Chat Tatars in Novosibirsk Ob Region]. *Pamiatniki Novosibirskoi oblasti* [Sites of Novosibirsk Region]. Novosibirsk: Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1989. S. 55–61 (in Russian).

Belikova O. B. *O dlitel'nosti prebyvaniia kyrgyzov na Srednem Chulyme. Etnicheskaiia istoriia tiurkoyazychnykh narodov Sibiri i sopredel'nykh territorii (po dannym arkheologii): materialy vserossiiskoi konferentsii* [On the length of stay of the Kyrgyz in the Middle Chulym. Ethnic history of the Turkic-speaking peoples of Siberia and adjacent territories (based on archaeological evidence): Proceedings of the All-Russian Conference]. Omsk, 1992. S. 13–19 (in Russian).

Belikova O. B. *Srednee Prichulym'e v X–XIII vv.* [The Middle Chulym Region in the 10th–13th Centuries]. Tomsk: Izdatel'stvo TGU, 1996. 272 p. (in Russian).

Bobrov V. V. *Poselenie na r. Liuskus (predvaritel'noe soobshchenie)* [Settlement on the Lyuskus River (preliminary report)]. *Arkheologiya Yuzhnoi Sibiri* [Archaeology of Southern Siberia]. Kemerovo, 1979. Vol. 10. S. 47–59 (in Russian).

Dashkovskii P. K. *Kul'tura eniseiskikh kyrgyzov na Altae i sopredel'nykh territoriakh: sovremennye napravleniia issledovaniia* [Culture of Yenisei Kyrgyz in Altai and adjacent territories: modern directions of research]. *Tiurkologicheskii sbornik 2009–2010gg.* [Turkic Studies Collection 2009–2010]. M.: Izdatel'skaia firma "Vostochnaia literatura" RAN, 2011. S. 130–151 (in Russian).

Dashkovskii P. K. *Kyrgyzy na Altae v kontekste etnokul'turnykh protsessov v Tsentral'noi Azii* [The Kyrgyz in Altai in the context of ethnocultural processes in Central Asia]. Barnaul: Izdatel'stvo AltGU, 2015. 224 p. (in Russian).

Dluzhnevskaya G. V., Savinov D. G. *Pamyatniki drevnosti na dne Tuvinskogo morya* [Sites of antiquity at the bottom of the Tuva Sea]. SPb: IIMK RAN — SPbGU, 2007. 198 p. (in Russian).

Ilyushin A. M. *Kurgany pozdnikh kochevnikov bliz ust'ya Ura* [Mounds of late nomads near the Ur estuary]. Kemerovo: Izdatel'stvo KuzGTU, 2012. 188 p. (in Russian).

Mandryka P. V., Knyazeva E. V. Kamennye orudiya srednevekovogo poseleniya Prospikhinskaya Shivera I: funktsional'no-trasologicheskii analiz [Stone tools of the medieval settlement of Prospikhinskaya Shivera I: functional and microwear analysis]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: istoriya, filologiya* [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology]. 2011. Vol. 10 (3): *Arkheologiya i etnografiia*. S. 155–162 (in Russian).

Mandryka P. V., Senotrusova P. O. Kul'turnaya prinadlezhnost' pamyatnikov razvitogo srednevekov'ya yuzhnotaevzhnoi zony Srednei Sibiri [Cultural affiliation of developed medieval sites in the southern taiga of Central Siberia]. *Rossiiskaya arkheologiya* [Russian Archaeology]. 2018. no. 2. S. 98–112 (in Russian).

Mandryka P. V., Senotrusova P. O. Razvitie fortifikatsionnykh sooruzhenii v yuzhnotaevzhnoi zone Srednei Sibiri i v Krasnoiarskoi lesostepi v rannem zheleznom veke i srednevekov'e [Development of fortifications in the southern taiga zone of Central Siberia and in the Krasnoyarsk forest-steppe in the early Iron Age and the Middle Ages]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorina, filologina* [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology]. 2007. Vol. 6 (3): *Arkheologiya i etnografiia*. S. 205–211 (in Russian).

Mandryka P. V., Senotrusova P. O. Syrodutnye gorny Nizhnei Angary: nekotorye itogi izucheniya [Catalon furnaces of the Lower Angara: some results of the study]. *Arkheologiya evraziiskikh stepei* [Archaeology of the Eurasian steppes]. 2021. no. 4. S. 110–121.

Okuneva I. V. Kuzbass v nachale II tys. n. e. [Kuzbass at the beginning of the 2nd millennium A. D.]. *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya* [Almanac of Modern Science and Education]. 2011. no. 4 (47). S. 29–31 (in Russian).

Okuneva I. V. Predmety iz metalla na poseleniyakh Srednego Pritom'ia [Objects made of metal in the settlements of the Middle Tom Region]. *Arkheologiya, etnografiya i muzeinoe*

delo. [Archaeology, ethnography and museum work: Collected works of the Department of Archaeology of Kemerovo State University]. Kemerovo, 1999. S. 109–114 (in Russian).

Ozheredov Yu. I., Yakovlev Ya. A. *Arkheologicheskaya karta Tomskoi oblasti* [Archaeological map of Tomsk Region]. Tomsk: Izdatel'stvo TGU, 1993. Vol. II. 208 p. (in Russian).

Plats I. A. *Arkheologicheskie nakhodki na pamyatnikakh Sukhovo I i Liuskus III v gorode Kemerovo* [Archaeological finds on the Sukhovo I and Lyuskus III sites in the city of Kemerovo]. *Uchenye zapiski muzeia-zapovednika "Tomskaya Pisanitsa"* [Scientific notes of the Museum-Reserve "Tomskaya Pisanitsa"]. 2020. Vol. 11. S. 69–75 (in Russian).

Pletneva L. M. *Tomskoe Priob'e v nachale II tys. n. e. (po arkheologicheskim istochnikam)* [Tomsk Ob Region at the beginning of the 2nd millennium A. D. (based on archaeological sources)]. Tomsk: Izdatel'stvo TGU, 1997. 350 p. (in Russian).

Savinov D. G. *Gosudarstva i kul'turogenез na territorii Yuzhnoi Sibiri v epokhu rannego srednevekov'ya* [States and cultural genesis in South Siberia in the early Middle Ages]. Kemerovo: KemGU, 1994. 215 p. (in Russian).

Savinov D. G. *Mogil'nik Kaltyshino I (novye materialy po arkheologii nachala II tys. n. e.)* [Kaltyshino burial ground I (New material on the archaeology of the early 2nd millennium A. D.)]. *Pamyatniki rannego srednevekov'ya Kuznetskoi kotloviny* [Early medieval sites of Kuznetsk Basin]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1997. S. 77–99 (in Russian).

Savinov D. G., Novikov A. V., Rosliakov S. G. *Verkhnee Priob'e na rubezhe epokh (basandaiskaya kul'tura)* [Upper Ob Region at the turn of the ages (Basandayka culture)]. Novosibirsk: Izdatel'stvo IAET SO RAN, 2008. 424 p. (in Russian).

Senotrusova P. O. *K voprosu o svyaziakh srednevekovogo naseleniia Nizhnego Priangar'ia s eniseiskimi kyrgyzami. Chelovek i Sever: antropologiya, arkheologiya, ekologiya: Materialy vserossiiskoi konferentsii*. [To the relations of the medieval population of the Lower Angara region with the Yenisei Kyrgyz. Man and the North: Anthropology, Archaeology, Ecology: Proceedings of the All-Russian Conference]. Tiumen': Izdatel'stvo Instituta problem osvoeniya Severa SO RAN, 2015. S. 171–173 (in Russian).

Shirin Yu. V. *Drevnosti Srednego Pritom'ia* [Antiquities of the Middle Tom Region]. *Ocherki istorii Kemerovskogo raiona* [Studies on the history of Kemerovo Region]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2004b. S. 14–28 (in Russian).

Shirin Yu. V. *Gorodishche Gorodok i ego okrestnosti v drevnosti* [The fortified settlement of Gorodok and its environs in antiquity]. *Kuznetskaia starina* [Kuznetsk antiquity]. Novokuznetsk Kuznetskaia krepost', 2004a. Vol. 6. S. 69–112 (in Russian).

Shirin Yu. V. *Gorodishche Gorodok v Kemerovskom raione* [The fortified settlement of Gorodok in Kemerovo District]. *Aborigeny i russkie starozhily Pritom'ia* [Aborigines and Russian old-timers of the Tom Region]. Kemerovo, 2002. S. 41–77 (in Russian).

Shirin Yu. V. *Materialy arkheologicheskikh razvedok na r. Tomi* [Materials of archaeological surveys on the Tom River]. *Iz kuznetskoi stariny* [From Kuznetsky antiquities]. Novokuznetsk: OOO "Lotus-Press", 2015. Vol. 6. S. 4–75 (in Russian).

Vasyutin A. S., Shirin Yu. V. *Kurgannaya gruppa Poryvaika* [Poryvayka mound group]. *Aborigeny i russkie starozhily Pritom'ia* [Aborigines and Russian old-timers of the Tom Region]. Kemerovo; Gorodok: Kuzbassvuzizdat, 2002. S. 78–92 (in Russian).

Vasyutin A. S., Zinyakov N. M., Onishchenko S. S. Kremirovannoe pogrebenie nachala II tys. n. e. s kuznechnymi instrumentami i soprovoditel'nym zakhoroneniem loshadi na mogil'nike Poryvaika [Cremated burial of the early II millennium AD with blacksmithing tools and the accompanying burial of a horse at the Poryvayka cemetery]. *Altae-Saianskaia gornaia strana i istoriia osvoeniia ee kochevnikami: sbornik nauchnykh trudov* [The Altai-Sayan mountain land and the history of its development by nomads: Collected papers]. Barnaul: Izdatel'stvo AltGU, 2007. P. 49–53 (in Russian).

Zinyakov N. M., Ilyushin A. M. Poselenie Kyrgai-1 v Srednem Pritom'e kak pamyatnik epokhi Srednevekov'ia [The Settlement of Kyrgyz-1 in Middle Tom Region as a medieval site]. *Uchenye zapiski muzeya-zapovednika "Tomskaya pisanitsa"* [Scientific Notes of the Museum-Reserve "Tomskaya Pisanitsa"]. 2017. no. 5. P. 35–50 (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 26.09.2022.

Принята к публикации: 20.12.23.

Дата публикации 03.04.2023.